

АНДРЕЙ ЗВОНКОВ

Работа над ошибками

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
И РАССКАЗЫ

Андрей Звонков

**Работа над ошибками.
Фантастическая
повесть и рассказы**

«Издательские решения»

Звонков А.

Работа над ошибками. Фантастическая повесть и рассказы /
А. Звонков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964212-7

Научная фантастика, альтернативная история, антиутопия и приключения перемешались в книге. При попытке разобраться в своих снах успешный бизнесмен меняет судьбу, оказываясь в совершенно другой России. Врач скорой не может помочь другу, потому что «закон суров», а за каждое необдуманное слово придется платить, возможно и жизнью. «В новой России старикам, иждивенцам и не вписавшимся в рынок, нет места» — завет «гения экономики 90-х» исполняется. На обложке «Бессмертный полк в Москве в 2016 году».

ISBN 978-5-44-964212-7

© Звонков А.

© Издательские решения

Содержание

Работа над ошибками	6
Очень коротко об этой книге	6
ДУРА ЛЕКС [1]	7
ЧАСТЬ 1. ДЕЛО СВИРИДОВА	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	12
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	15
ГЛАВА ПЯТАЯ	18
ЧАСТЬ 2. ДИАНА-ОХОТНИЦА	21
ГЛАВА ШЕСТАЯ	21
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Работа над ошибками

Фантастическая повесть и рассказы

Андрей Звонков

© Андрей Звонков, 2019

ISBN 978-5-4496-4212-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Работа над ошибками Фантастическая повесть и рассказы

Очень коротко об этой книге

Фантастика бывает разная. Есть научная. Читатель, возможно знаком с нею: Жюль Верн, А. Беляев, Г. Уэллс, Г. Мартынов, А. Азимов, Ж. Клейн и др. писатели, пытавшиеся предсказать развитие науки и общества. Есть ненаучная или сказочная: это многочисленные произведения в жанре фэнтези с магами, рыцарями и драконами.

А есть еще социальная фантастика, в которой авторы пытаются показать общество в будущем и она делится на два вида: утопия (от первого такого сочинения Т. Мора, где события происходят в вымышленной стране – Утопии), такие истории показывают прогресс и позитив – радостное и немного приторное от идеальности общество, и антиутопия, где все страшно, плохо, грустно, тотальный контроль и закон в руках шайки захвативших власть олигархов или бандитов, а контролирует исполнение его этаким судьей Дредд. Бывают антиутопии сатира, памфлеты, как «Москва 2042» В. Войновича, или трагедии, как Е. Замятина «Мы», или О. Хаксли «О, дивный, новый мир!» или Дж. Оруэлла «1984» – романы предостережения, сваливающие общество к абсурду тотального контроля. Увы, как показывает реальность текущего времени, совсем не абсурду.

Основу сборника представляет повесть антиутопия – Дура лекс. Читатель узнает Россию недалекого будущего и современные тенденции, которые могут привести нас именно в том мир, который вы увидите. Я так думаю. Конечно, вы можете не соглашаться со мной, конечно все еще может много раз измениться и мы через десять – пятнадцать лет окажемся совсем в другой стране, другом обществе и все будет совсем не так. Может быть лучше, а может быть настолько плохо, что вы скажете – эх...

А может быть вы прочитав, скажете – И какая тут фантастика? Все так и есть и ничего нет страшного – кругом порядок. Общество потребителей не нуждается в чувствах, ему хватит всего двух чувств: чувства сытости, и чувства превосходства над теми, кто беднее.

Порядок, в котором нет места человечности, доброте, благородству и милосердию, а предательство, подозрительность и власть достатка становится основой отношений, которые «управил рынок» называется – АДОМ. Но вряд ли сами обитатели ада его таковым считают.

К названию каждой части я прикрепил сноску «Антиутопия», спросите – зачем? Объясню. Несколько фрагментов я опубликовал в интернете, вначале публикации указал: Повесть фантастическая, антиутопия. И все равно мне в комментариях задавали один и тот же вопрос: «Это что – правда?!». И вот, чтобы вы не забывали, что «Дура лекс» – антиутопия, я напоминку включил в начале каждой части!

Мнение о книге вы можете высказать мне лично по адресу: lsvetin@yandex.ru

Спасибо, что читаете мою книгу.

Андрей Звонков

P.S. В электронном формате книга будет дописываться и подрастать в объеме. Но на цене е-книги это не отразится никак.

А. Звонков

ДУРА ЛЕКС^[1]

повесть, антиутопия.

*Времена не выбирают
В них живут и умирают...*
А. Кушнер

ЧАСТЬ 1. ДЕЛО СВИРИДОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*В которой герои пьют коньяк, варят гречку
и обсуждают грядущий суд над доктором
Свиридовым, а СОБР нарушает их уединение и планы*

– Встать! Суд идет!

Судили моего друга, Юру – теперь уже бывшего врача скорой помощи. Два месяца назад он перевел на русский язык фразу *Bl.gastrici, met. intrahepaticus* – «Рак желудка, метастазы в печень».

Десять дней назад, после дежурства я приехал к нему в гости. Юрку уже отстранили от выездной работы, посадили в лечебном отделе, разбирать карты. О том, что дело из административного переквалифицировано в уголовное, мы тогда еще не знали.

На душе было гадостно. Юрка исписал уже ворох бумаги, объяснял, пытался доказать, что он только перевел текст с латыни. Это не преступление же! Но возвращать его на линию, в бригаду руководство «скорой», несмотря на чудовищную нехватку медиков, не торопилось.

Я принес бутылочку коньяка, все-таки мы врачи.

Свиридов покрутил ее в руках, прежде чем открыть и сказал:

– Отец шутил, «плох тот врач, что сам себе покупает коньяк», а теперь это норма.

– Что норма? Что мы покупаем сами или то, что плохие врачи? – усмехнулся я, снимая с полки две рюмки.

– Знаешь, как он меня называл? – Юра наполнил рюмки. – Обезьяна с чемоданом. По его мнению, мы теперь вообще не врачи. Без электроники ничего не можем.

Юра поднял рюмку, прикоснувшись к моей со звоном. – Ну, будем! За справедливость!

Он принялся маленькими глотками выпеживать золотистый «Нектар Богов», как назвал когда-то коньяк Виктор Гюго.

Я от него не отставал. Выбирал я коньяк «восьмилетний», потому что он имеет особый букет, на который мы с Юрой «подсели» после выпуска из института.

Иногда хочется почувствовать себя «белым халатом», а не «синим комбинезоном». Больничным врачам продолжают регулярно заносить благородные напитки благодарные пациенты, а скорая, впрочем, как и поликлиника, этого лишена. Теперь любые подарки дороже тысячи рублей – взятка. И не можешь знать, когда действительно дарят от чистого сердца, а когда запланирована акция по задержанию очередного врача-вымогателя?

Мы сидели на кухне, молчали. За окном темнело. Юрка посмотрел на часы.

– Скоро Светочка придет, надо гречку поставить.

Я смотрел, как он отмеряет крупу, промывает и ставит на огонь небольшую кастрюльку.

– Солить не будешь?

– Нет.

Юра еще что-то хотел сказать, но в этот момент входная дверь слетела с петель и ударила его по спине. Кухня и квартира наполнилась людьми в черном с оружием и крики:

– Работает СОБР! Всем лечь! Руки за голову!

Я не стал спорить. Да и как тут поспоришь? Минимум получишь удар прикладом в живот, максимум по лицу.

Нам защелкнули наручники за спиной и так выгнули руки, что, когда поставили на ноги, мы все равно смотрели в пол.

Юра шипел, ему на спину грохнулась железная дверь, а потом кто-то случайно смахнул с плиты гречку, и горячая крупа залетела под майку. Кипятком ошпарило плечо.

Один из СОБРовцев стянул вязаную шапку с головы.

Нам позволили разогнуться. Кто-то сказал:

– Все чисто!

– Кто из вас Свиридов Юрий Александрович? – снявший шапку, видимо командир группы, смотрел на нас.

– Я! – отозвался Юра. – А в чем дело?

Начальник не ответил, он повернулся к подчиненным и скомандовал:

– Этого забирайте! – он повернулся ко мне, – а вы кто? Документы?

– Исаев Алексей Максимович, – ответил я, – карточка в кармане. Я друг Юрия. Вы можете хоть что-то объяснить? За что его? Мы – врачи, работаем на «скорой».

Но начальник ничего не объяснял. Пока один из СОБРовцев сканировал мою карту, он развернул меня к себе спиной и открыл наручники.

– Приложите палец к сканеру, – произнес начальник.

Я выполнил. Сканер мигнул и зажег зеленую лампу.

– Личность подтверждена, принадлежность карты – тоже.

Я растирал запястья. Ощущение не из приятных, когда сковывают руки.

Юрку уже увели. Я понял, что никто, ничего объяснять не будет. Вырванная из косяка дверь стояла в прихожей у стены.

Я поднял с пола кастрюльку, хотел достать веник и совок, чтобы собрать рассыпанную кашу с пола.

Скоро придет Юркина жена. Надо как-то ей объяснить происшедшее. А как объяснишь? За что его арестовали?

Собровцы уходили из квартиры. Последним уходил начальник группы, он положил на стол две визитки.

– Это телефон следователя, а это ремонт дверей. Работают круглосуточно.

– Вы можете хоть как-то объяснить? – спросил я в спину собровца, но ответа не услышал.

Светлана, вернувшись, первым делом позвонила Юриному адвокату и через всхлипы рассказала о задержании. Тот записал телефон следователя с визитки, обещал перезвонить, как только выяснит что-нибудь.

Адвокат не позвонил, через полчаса, когда уже рабочие занимались укреплением выбитой двери, он приехал. Этот немолодой дядька, назначенный государством защитник, оказался серьезным и ответственным.

Он прошел по квартире с небольшим приборчиком. Видимо удовлетворенный, увлек нас со Светланой на кухню. Она порывалась забрать у адвоката плащ и сумку, но тот отмахнулся:

– Не надо, я ненадолго, – он выдержал паузу и объяснил: – дело Юрия Свиридова пере-квалифицировано под уголовное. Если раньше я пытался свести все к халатности, даже к невиновности врача, то сейчас по распоряжению генпрокуратуры оно трактуется как «разглашение врачебной тайны, нанесшее ущерб ГБУ Клиника паллиативной медицины „Розовый сад“».

А ГБУ, как вы понимаете это государственное бюджетное учреждение. Сейчас Юру пытаются обвинить в том, что его знание латыни и перевод диагноза, привело к тому, что родственники не отдали больного раком для долечивания в «Розовый сад», и ГБУ лишилось его имущества и сбережений.

Адвокат взял протянутую Светланой кружку с чаем.

– Меня интересует, о чем вы говорили тут до того, как ворвался СОБР?

Я пожал печами. Да много о чем. О всяком разном. Но память у меня хорошая.

– Мы говорили о его деле, правда недолго и я высказал надежду, что Юру скоро вернут на выездную работу. Ну, еще мы пошутили насчет коньяка, мол «плох тот врач, что покупает себе коньяк», а до этого он спрашивал, когда я женюсь и я ответил, что невеста моя еще не родилась или где-то очень далеко. Мол, где мне найти такую, как его Света? А до этого обсуждали грядущие перемены в организации здравоохранения. О том, как нас всех стараются ссорить друг с другом, убивая то, что раньше называлось профессиональным сообществом.

Адвокат выпил чай, ладонью вытер губы.

– Я говорил по телефону со следователем три минуты. И ничего не понял. Только настояжила фраза: «По делу Свиридова вскрылись дополнительные факты его преступной деятельности».

Светлана зарыдала. Я попытался ее успокоить, но мне это всегда плохо удавалось. Не умею я обращаться с плачущими женщинами.

– Света, вы успокойтесь. Дело все шито белыми нитками. Не хочу голословно обещать, но постараюсь развалить все обвинения. Вы только делайте все, что я скажу и точно. – Адвокат тоже не специалист на утешение, но постарался найти слова, чтобы успокоить Юркину жену.

– Какая у него преступная деятельность? – изумился я. – Это же какой-то абсурд. Зачем им его топить?

Адвокат постучал костяшками пальцев по столу.

– Я не буду ничего объяснять. Вы взрослые люди и должны понимать, в какие времена мы живем. Главный закон не конституция, а пословица: «Язык мой – враг мой». Руководствуйтесь правилом: «Думай, что говоришь и не говори, что думаешь». Сейчас на первом месте в отношениях людей не гуманизм, а рентабельность и выгода. Помните об этом. Если Юру задумали утопить, значит, это кому-то выгодно.

– Но кому? – удивление мое не проходило. Я понимал адвоката. Но не все же такие. Мы же русские, точнее российские люди. Мы же всегда за своих горой. Кто может вдруг идти по карьерной лестнице, вместо перекладин используя человеческие кости? Я не сказал этого.

– Думаю, со временем мы все узнаем и поймем. – Адвокат пошел к выходу, но в прихожей остановился, потому что рабочие уже закончили укреплять дверь и проверяли, как работает замок. Он заскочил в туалет.

– Леша, я ничего не понимаю. В чем он виноват? – Светлана плакала, поэтому ее слова звучали прерывисто и невнятно. – Такие оговорки совершают все. У нас периодически врачи в поликлинике и страшнее говорят. Какая тайна? Если человек явно болен раком и его рекомендуют долечивать в хосписе. Они что идиоты, и не понимали? Это же все высосано из пальца. Кому нам жаловаться?

– Попробуй прорваться на прямую линию с Президентом, хотя это будет еще не скоро, – я хотел пошутить, но шутка явно вышла плохая. Светлана опять зарыдала. Я протянул ей стакан воды. Хотел налить ей коньяка, но тот исчез. Кто успел его стянуть, СОБР или адвокат?

Рабочие потребовали у Светланы оплаты. Я скинул им со своей карточки требуемую сумму и современные пролетарии ушли довольные.

Остаться дольше я тоже не мог. Дома ждут родители.

Я шел домой пешком и размышлял.

Машины каршеринга, припаркованные у тротуара, заметив мое приближение, подмигивали фарами, приглашали воспользоваться. Ничего, я одиннадцатым номером доберусь. Рюмка коньяка уже выветрилась, но алкотестер и эти остатки заметит. Только сядь за руль, «добрый» автомобиль, учуяв этанол, закроет двери и вызовет полицию.

Что могло случиться? Свиридову шили административное дело, должен был обойтись штрафом, снижением в должности на несколько месяцев с отстранением от выездной работы. Но зачем вот так жестко паковать в автозак и отправлять в СИЗО? Он что – бандит? Нет, что-то не складывалось, и чем ближе я подходил к дому, тем больше хотел спать, и тем сложнее было понять логику чиновника прокуратуры, отдавшего приказ именно о таком аресте.

Они знали, что Юрка дома. Это не проблема, с тех пор как все домофонные ключи перевели на личные карты – паспорта, наличие человека в здании, если он для открытия двери в подъезд приложил личную карту, которую от аббревиатуры ЛК называли элькой, становилось очевидным.

Я тоже приложил свою эльку.

Домофон пробубнил синтетическим голосом:

– Исаев Алексей Максимович, добро пожаловать домой, ваша квартира сорок один.

Это чтобы я по ошибке не забрел в чужую?

Домофон следил, чтобы никто не пришел, если хозяев дома нет. Список жильцов и временно зарегистрированных записан в его память. Он же вызывал полицию, если проникновение все-таки состоялось и человек, оказавшийся в доме, не распознан системой. Участковым прибавилось работы – наносить визиты в семьи, где встречают гостей и хозяин, распахнув дверь подъезда, разом пропускает целую толпу друзей и родных. Скрытые камеры пересчитают всех, а домофон сообщит в участок полиции о сборище.

Я поднялся на лифте, показав язык видеокамере в кабине. Над кнопками светила надпись: «Курить, расписывать стены и справлять нужду в кабине лифта запрещено! Нарушение карается штрафом».

– Пердеть зато можно, – возразил я.

И это была чистая правда. Датчик в лифте реагировал на дым и влажный пол, блокируя кабину и вызывая сразу наряд полиции. А вот кишечные газы не замечал.

Родители уже спали. А я долго ворочался, несмотря на усталость. Сказывалось возбуждение от Юркиного ареста. Я вспоминал усталые и пустые глаза начальника группы захвата. «Делай, что должен, а будет, чему суждено», пришли на память слова какого-то римского императора.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*в которой врач Исаев учит командира спецназа зиговать
и говорит «Хайль Гитлер!», и размышляет о судьбе
гастарбайтеров из стран средней Азии в Москве*

Зигзаги судьбы неожиданны и удивительны.

Юрка еще сидел в СИЗО, я дежурил, а Светлана металась между работой, СИЗО, адвокатом и домом.

Заведующий подстанцией на каждой пятиминутке предупреждал: на вызове держать язык за зубами. Произносить только прописанные в «стандарте поведения медработника» слова! Ничего лишнего. Он не упоминал Юрку, но мы-то понимали, отчего он так старается. Этот случай очень снизил рейтинг нашей подстанции и уменьшил премиальный фонд.

«Нам не дано предугадать...», как сказал какой-то поэт. На одном вызове дверь мне открыл сам командир группы захвата СОБРа. Был он в тренировочных штанах, тапочках на босу ногу и майке. И, кажется, он меня сразу не узнал. Заболела его теща.

Голос он мой вспомнил и стал немного суетлив. Принес табурет из кухни, стоял рядом в ожидании моих обращений. Но я придерживался исключительно «протокольных» фраз. Теперь я «делал, что должен»...

Что происходило в его душе? Если она у него есть, там обязано было что-то происходить.

Я боковым зрением пытался заметить по его поведению эти скрытые процессы. Но он держался независимо. Меня не провоцировал и не лебезил. Замешательство, промелькнувшее в его глазах, когда он меня узнал, исчезло. Ждал ли он от меня какого-то неадекватного поступка или слова? Может быть.

Закончив обслуживание клиентки, я собрал свои чемоданы, мусор в пакет и поднялся.

Он стоял рядом и, наконец, наши глаза встретились. Я заметил в них мимолетное выражение благодарности, что я не отклонился от протокола и ничем не выдал нашего знакомства.

Он проводил меня до двери и протянул руку, прощаясь. Видимо, сделал он это машинально.

Я выставил ДК и МК за дверь и, прикрыв ее, чтобы мои бдительные «помощники» не записали то, что я хочу сказать, негромко спросил:

– Я вижу, вы меня узнали. Может быть, сейчас объясните, зачем нужно было брать Свиридова именно так жестко? Как вооруженного члена ОПГ, бандита?

– Нам приказали, – сказал мужчина. – Мы – солдаты. Есть протокол. Как и у вас. – Он вдруг перешел на ты. – Ты должен понимать, мы себе не принадлежим. Мы – часть системы. И ты и я.

– Да, это так, – согласился я. – Но мы еще и люди. У вас какое звание?

– Майор.

– Поднимите руку, майор, – попросил я.

– Как поднять? – не понял он.

Я поднял его руку на уровень плеча.

– Ладонь распрямите.

Он повиновался.

– А теперь скажите: «Хайль Гитлер!».

Он резко бросил руку вниз, лицо его побагровело, а я продолжил, пока он не начал материться.

– На Нюрнбергском процессе фашистские генералы оправдывались именно такими же словами: «Мы – солдаты, мы выполняли приказ», но забыли при этом, что они еще и люди. Ты, майор – не забывай.

Я распахнул дверь. Чемоданы мои никто не тронул, и наш диалог эти электронные «стукачи» не слышали.

– Мы работали по инструкции, – пробубнил мужчина у меня за спиной, а я, развернувшись, прижал палец к губам и показал на ДК. Он понял и добавил: – У нас тоже все пишется. Прости, если можешь.

– Бог простит, – ответил я неизвестно откуда всплывшей в мозгу фразой.

Мне позвонила Светлана.

– Леша! Я узнала кое-что. Суд через три дня. Юре вменяют еще какой-то странный эпизод: «недоносительство о преступлении», я не поняла. Может быть, на суде объяснят. Адвокат говорит, что все это ерунда. Посадить Юру не должны. То, что его так арестовали, скажали – ошибка прокуратуры. У них протокол такой. Если на человека заведено уголовное дело – должны для задержания использовать СОБР. «Вы понимаете, Света, все должны работать – СОБР тоже». – Светлана изобразила интонации адвоката.

Меня порадовало, что она хотя бы не плачет. Значит, дело скоро закончится, и муж ее вернется домой.

Недоносительство. Вот это уже формальность на сто процентов. По такому обвинению можно арестовывать практически любого живущего в России, кто видит какающую на газон собаку с хозяином или пьющую в подворотне троицу. Но ведь почти никто этого не делает. Все понимают, ты сообщишь, и о тебе сообщат когда-нибудь.

Значит, Юрку действительно хотят использовать в показательном процессе. Это плохо. Это значит, что наказание будет оптимально строгим. Светлана утешает себя, поверив адвокату. Не максимально строгим – уже хорошо, но оптимально не намного лучше. Прощение и реабилитация исключены. Судимость впишут в его эльку, и для него закроются многие двери, включая банки, ипотеки, возможность работать с деньгами, да и частные клиники дадут от ворот поворот. Потому что любой, кто захочет получить открытые данные о работнике Свиридове – увидит отметку «судимость». Финансы, торговля, госслужба – все закрыто.

Адвокат подаст на апелляцию, но даже если наказание смягчат – судимость это клеймо на двадцать лет. Считай, на всю жизнь.

Москвичу трудно устроится на низкоквалифицированную работу. Нас не любят работодатели. Несмотря на квоту для москвичей, они и в эти жалкие десять обязательных процентов стараются набрать приезжих, молчаливых, послушных, готовых работать за гроши.

Эти парни и девушки из республик ближнего зарубежья, в основном из средней Азии живут обособленно и неохотно изучают русский язык, хотя в законе о мигрантах этот пункт особо выделен. Знание языка обязательно. С ними сложно общаться, почти всегда нужен переводчик. К «скорой» они обращаются уже в самом крайнем случае, когда часто помочь весьма затруднительно. Из-за экономии. Работодатель их боится только от несчастных случаев на производстве, а полис «мигрант» они покупать не хотят, экономя заработок, который переводят на родину своим близким.

Порой их жалко до слез. Я их брал с тяжелой пневмонией, когда уже сознание теряли. И ругаться бесполезно. Мы несем его на волокуше, а рядом бежит какая-нибудь девушка и на ломаном русском: «Он не умрет? Вы спасете его?». Как ей объяснить, что в приемном отделении нас еще ждет битва с терапевтом: «Где его полис? Мы не можем его принять! Звоните в посольство! Только на коммерческую койку!».

Поэтому возем сразу в реанимацию. Там берут без разговоров, если выживет – будут разбираться, куда и как дальше, а нет – так, слава Богу – хоронят за счет работодателя. С этим вопросов не возникает. Есть закон. И его не обсуждают.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В которой суд выносит приговор по делу Свиридова, журналист провоцирует осужденного на драку, а тот шутит, что уйдет в лесники

– Встать! Суд идет!

Мы все, наконец, поняли. Прокурор все очень ясно изложил. Родственники ракового больного, чей диагноз является личной тайной и не может быть разглашен, из-за Юрки стал известен. Как?

Свиридов, отвечая на вопросы судьи, объяснил, что его вызвали к женщине с высоким давлением, жене ракового больного. И сын этого больного протянул Юрию бумажку, на которой с ошибками была записана по латыни та самая фраза: «Бл. гастрици, мет. итрагепат.», ни о чем не подозревавший врач перевел ее – «рак желудка, метастазы в печень». ДК его – электронный эскулап, в задачи которого входит не только диагностика, но и протокол обслужива-

ния вызова, то есть записи фонограммы, зафиксировал перевод, который прокурор трактовал как разглашение врачебной тайны.

Адвокат возразил, что перевод, отвлеченной от конкретного человека фразы, не является разглашением. С таким же успехом можно было бы осуждать библиотеку и латинско-русский словарь, или интернет и компьютерный переводчик. Но судья возразил, что если бы родственники так поступили, то дело разбиралось бы совсем с иных позиций. Но врач сказал, и есть протокол ДК, который расшифрован и подшит к делу. Тем более, что Свиридов знал, как и все на подстанции, что по данному адресу проживает смертельно больной человек, к которому в прошлом месяце вызывали двенадцать раз, пока не было принято решение ОМС внести данного пациента в «черный список»...

Иск на врача подал сперва ДЗМ, который вменял «разглашение тайны», это штраф и перевод на низкооплачиваемую должность сроком до года, но вдруг «проснулся» хоспис «Розовый сад», который ждал привоза ракового больного и передачи фонду его собственности: квартиры и накоплений в банке, которые по закону должны были перейти ГБУ. Дело пере-квалифицировали, как «нанесение материального ущерба государству». Так что теперь Юра, как бы своим переводом, спровоцировал родню отказаться от госпитализации в хоспис.

Надо признать, что адвокат несмотря на бесплатность, бился как лев, отбивая все абсурдные обвинения. Он пытался внушить присяжным, что врач не может отвечать за глупости совершаемые родственниками. Однако в последний момент прокурор ввел свой «козырь», тот самый эпизод «недоносительства» Свиридовым.

Мы честно растерялись. История, которую предъявил прокурор, показалась нам настолько идиотской, что даже адвокат попросил объявить перерыв на десять минут. Как он потом объяснил, еще на стадии следствия он доказал, что связывать эти дела нельзя. И был уверен, что прокурор не решится «лепить горбатого». Недоносительство не может проходить как преступление. Да. Мы живем не в эпоху «Культа личности» тридцатых годов прошлого века, сейчас за это не наказывают. За донос, да, поощряют денежно, но если прошел мимо нарушения закона, не наказывают. Только если не оказал помощь. Даже выпустили для смартфонов приложение: «Бдительный гражданин», можно зафиксировать правонарушение и отправить в прокуратуру, если дело подтвердится, получить денежное вознаграждение.

Платное приложение «Хедхантер» даже позволяет неплохо зарабатывать, снимая людей на улице и проводя по базе разыскиваемых. Если увидишь человека в розыске, проследи за ним и донеси. Приз после ареста бывает очень большой.

– Я хочу этот случай, – заключил свою речь прокурор, – предъявить не как преступление так называемого врача Свиридова, а как его гражданскую характеристику. От бдительных граждан, живущих по адресу... через приложение «Бдительный гражданин», органами прокуратуры было получено сообщение, что водитель бригады Свиридова нарушает «закон о курении», причем делает это дважды. Во-первых, он курил на рабочем месте – в автомобиле скорой помощи, который был припаркован рядом с детской площадкой, а во вторых ему не было пятидесяти пяти лет, то есть возраста, которому разрешено покупать табачные изделия и курить. Граждане присяжные, Свиридов знал, что его водитель курит и мало того, что не отговорил его от этого преступного действия, он его еще и покрывал, не доложив по инстанции, что тот нарушает «закон о курении от 22.02.2022 года». Все это я рассказываю, чтобы вы имели представление об асоциальной личности, так называемом враче Свиридове, которому, по моему мнению, не место в рядах российских врачей. Посему, прокуратура настаивает для обвиняемого Юрия Александровича Свиридова на двух годах лишения свободы в колонии общего режима и лишения диплома врача.

Адвокат пытался, как мог, обелить Юру. И частично ему это удалось. Хотя присяжные все равно вынесли вердикт: «Виновен».

Светлана не удержалась и опять заплакала. Юра в клетке был бледен. Его последнее слово, где он признал свою вину частично и профессии его не лишать, как ему посоветовал адвокат, на присяжных влияния не возымел. Но судья оказался умнее и добрее, что ли, как были добрыми иезуиты.

Секретарь суда произнес сакраментальную фразу.

Мы встали. Суд вернулся из комнаты заседаний, и судья зачитала решение:

– Свиридов Юрий Александрович обвиняемый по статьям... УК России, а также статье... за разглашение медицинской тайны и нарушение закона о медицинской этике, руководствуясь статьями... – признан виновным и приговаривается к двум годам лишения свободы условно и лишению права заниматься медицинской практикой сроком на пять лет. Приговор суда может быть обжалован в установленные законом сроки. Вопрос трудоустройства через ФСИН [2] по желанию подсудимого остается открытым.

Адвокат крикнул Юре:

– Мы подадим апелляцию! Прямо сегодня! Не уходите!

Я прорывался к скамье подсудимых. Светлана ухватила за мою куртку и двигалась следом. Юрка на слова адвоката криво усмехался.

Я ждал, когда он выйдет из клетки. В зале было холодно, видимо нарочно не топили, чтобы не затягивали заседание. Я локтями распахивал скучающих «любителей крови» и журналюг, которые комментировали решение перед небольшими камерами, закрепленными прямо на выносной штанге, прикрепленной к шлему с логотипом своих каналов.

Вранье, типа «Нет доказательств, что ему заплатили, но мы то с вами знаем...» – лилось из поганных ртов этих искателей сенсаций. Один набрался наглости и крикнул в сторону Свиридова:

– Признайтесь, сколько вам дали эти люди за врачебную тайну? Теперь уже можно не скрывать. Суд не станет менять свой приговор.

Журналисты развернули камеры на Юру, ожидая скандала, брани или драки. Им очень хотелось жареных событий! А что может быть лучше драки в суде? Бывший врач-психопат накинулся на журналиста! Больше всего их волновали не люди, не врач, которому только что сломали жизнь, не пациенты, которых загоняют в приюты для доживания, организовав целый бизнес, выкачивая последние деньги из пенсионеров и инвалидов. Их волновал рейтинг! Личный и рейтинг канала! А для рейтинга нужен скандал.

Наконец, Юра пробрался ко мне, потому что нам со Светой двигаться против потока людей, выходящих из зала было уже невозможно... он не повелся на провокацию и журналюги потеряли к нему интерес. Еще один неудачник.

Светлана повисла на его шее, заливая воротник слезами.

Свидетели – родственники умершего от рака человека, отводили глаза, постепенно исчезали из зала суда. Совесть еще не покинула окончательно их сердца? Возможно.

Несколько журналистов продолжали съемки репортажей для своих телеканалов. У осужденного больше никто не спешил брать интервью.

За время, что моего друга содержали в следственном изоляторе, он немного похудел и отрастил рыжую щетину на впалых щеках.

– Юрка, поздравляю. – Обняв его, сказал я. – Все-таки не на поселении. А работу найдешь. Хотя, может быть стоило воспользоваться правом на трудоустройство? Судимость не лучшая характеристика для работника, но предписание ФСИН – гарантия, что возьмут.

– Спасибо, Леха, спасибо, ты – настоящий друг, – Юрка снова усмехнулся, – не представляешь себе, как я рад. Пяти дней за решеткой, вот так хватило, – он провел кончиками пальцев по горлу. – А какая разница? На поселении или в Москве? Специальность-то закрыта. Теперь только если рабочим на стройку или на мусорном заводе сортировщиком. Если возьмут.

– Так куда? – снова спросил я, – уже решил что-то?

– Вот найду лесок поглуше и устроюсь лесником, – процитировал он из «Федота-стрельца» Леонида Филатова.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*В которой врачи гуляют по Лианозовскому парку,
обсуждая дальнейшие планы на ближайшие дни
и приходят к выводу, что люди пока еще все-таки люди.*

Через два дня Свиридов позвонил и пригласил прогуляться.

Мы бродили по аллеям Лианозовского парка. В будний день аттракционы пусты, на детских площадках несколько мамочек с колясками. Юра крутил в руках зонт. Мы с ним ни о чем не говорили, просто брели и любовались весенней природой. Ровные дорожки, вымощенные плиткой, подстриженные кусты и огромные березы. Кое-где в ложбинках таял последний снег.

– Отец, когда еще был здоров, – без прелюдий сказал я, – рассказывал, что во время войны тут стояла военная часть – ПВО и весь парк изрезан был траншеями, убежищами и изрыт воронками от бомб. Говорил, что видел их в детстве. А из аттракционов стояли только цепная карусель и качели-лодочки. Представляешь?

– Не представляю, – Юра протянул руку, – дай телефон.

Я вынул смартфон и отдал ему.

Юра из сумки достал небольшую металлическую коробку из под чая, предварительно отключив смартфоны, убрал оба в коробку, которую укутал в несколько листов пупырчатой упаковки.

Из сумки достал блокнот и карандаш – обычный грифельный КОН-I-NOOR. Я таких давно не видел. Во всех авторучках вмонтировано запоминающее устройство для облегчения перевода текста в электронный. Можно с памяти ручки в смартфон перенести написанное, и отправить электронной почтой, куда хочешь. Очень удобно. Спецслужбам тоже. Возьми такую ручку и узнаешь, что ей было записано в последние сутки. Если только владелец ее предварительно не обработал магнитом. Ношение с собой магнита – подозрительно. Значит, есть, что скрывать.

Если Юра взял карандаш, значит, он будет писать что-то сверхсекретное.

Он раскрыл зонт. Благо накрапывал легкий дождик, даже не дождь, а висела в воздухе водяная муть. Так невозможно с дрона увидеть, что мы пишем. Если «птичка» на высоте километра – ее не видно, а оптика там такая, что каждую букву читает.

«Мне помогут исчезнуть» – написал он и добавил: «нам со Светой».

«Как?» – написал я.

«Нужен ДК» – ответил он.

Я подчеркнул «КАК?»

«У тебя отберут на вызове»

«А смысл? ДК не взломать за пять минут, – ответил я. – а потом он бесполезен».

«Если не знать пин-код»

«Я не могу сказать, ты же знаешь. Это автоматом обвинение в соучастии. Если не убьют, и даже если убьют. На мне родители!» – мне хотелось дать ему по роже. – «Ты понимаешь, что нам всем приговор!»

Я догадался, на Юру вышли какие-то люди и сделали предложение, от которого сложно отказаться. Невозможно отказаться. Видимо ему пообещали не только новые документы, но и неплохие «подъемные». Взломанный ДК стоит десятки миллионов.

Он что, забыл? У меня отец больной, мать на пенсии.

Каждый год соцработники приходили с предложением перевести моих родителей в приют. Я отбивался. То, что у отца «Альцгеймер» – не повод отправлять его в интернат. Если со мной что-то случится – они обречены. Их отправят в приют и там, через год, похоронят. На стариков государственный лимит исчерпан. Если дети их кормить не могут или не хотят – пенсионеров отправляют в дом престарелых, где они умирают очень быстро «от естественных причин». Мы-то с Юрой отлично понимали, что это за «естественные» причины. В стране рыночная экономика. И как планировал «гений экономики» – «рынок управил». Старики, особенно одинокие, долго не жили. Их даже не вскрывали для экономии. По завету этого государственного пухлощекого деятеля «если часть стариков-пенсионеров вымрет, это не страшно» – кажется процесс «вымирания» перевели на обязательные рельсы. Не так жестоко как в первобытном обществе, где стариков предписывалось связанными отвозить в лес, на съедение зверям и не как у фашистов в лагерях смерти – через газовые камеры и печи. Все интеллигентно и «с достоинством» – за год подсаживали на сердечный препарат, который потом, когда сердце без него работать уже не могло, резко отменяли, и вот тебе «Смерть от естественной причины» – срыв ритма и асистолия.

Юра все понимал. Он написал:

«Если будут знать четыре символа из шестнадцати, взломают за минуту».

«Я не могу их произнести. – Ответил я, – ДК пишет каждое слово»

«Не говори, напиши».

«Я не пойду на такой риск. Почерк».

Юра показал себе в подмышку.

«Маркером. Потом сотрешь спиртом».

Я покачал головой. Мы перед началом выездов и после работы принимаем душ. Душевая – общая. Надпись в подмышечной впадине коллеги могут увидеть.

«Обещать не буду. Если честно – мне стрёмно. Понимаешь, если ДК взломают так быстро – я все-равно на 100% под подозрением!»

«Если все сделаешь правильно, доказать они ничего не смогут. ДК – железка, когда-нибудь его взломают. И уже взламывали, ты знаешь».

«Если ДК взломают и получают доступ к базе „госуслуг“ – это миллионы жителей, такая база стоит сотни миллионов рублей. Не слишком дорого хочешь заплатить за „исчезновение“?»

– *«Обещали, что помогут, – Юрка писал обрывками слов, – я должен верить на слово».* Блокнот намок, и писать карандашом становилось все сложнее.

«Ты им веришь?» – добавил я. – «Может быть, оставить как есть? Пять лет будешь готовиться, сдавать зачеты, потом подтвердишь диплом и опять стаешь врачом».

«Меня с судимостью никуда не возьмут, где есть материальная ответственность, – ответил Юра, – даже в степь по программе «земский доктор».

– Надо, Леша, – он повторил, – надо.

Он снова взял карандаш.

«Ни о чем не беспокойся. Коси под дурачка. Цифры напиши уже вечером. Думаю, что вызов с захватом организуют под утро».

«Ты уже договорился? Не заручившись моим согласием?» – я показал ему кулак.

«Если у тебя не будет под мышкой цифр, мы со Светкой исчезнем на самом деле», – ответил он на чистой странице. – «Решение за тобой».

«Шантаж?» – возмутился я. – «Ты меня шантажируешь?»!

«Не я, меня предупредили, что если они не получают возможности взломать ДК, то меня уберут из безопасности, а Светку заодно. Хоть она и не причем!»

Я вытер мокрый лоб. Несмотря на холодную морось – вспотел.

«Все, – написал он. – Большие нечего обсуждать. Бумагу надо съест».

Он принялся вырывать листочки и запихивать в рот. Из сумки достал бутылку с водой.

– Заворот кишок будет, – пошутил я.

– Как-нибудь пропихнем. Касторки выпьешь. Ешь, давай.

Я присоединился к Юре, и мы несколько минут молча жевали бумагу и запивали комки водой. Потом дружно расхохотались. От блокнота ничего кроме пластиковых корочек не осталось. Юрка поднес к ним зажигалку. Пластик принялся чадить, на мокрую бетонную площадку потекли, издавая гул и свист, огненные капли. В пальцах Юрия остались ниточки проводников и оплавленный микрочип. Блокнот стучал?! Какие же мы идиоты! Но Юра был спокоен.

– Я его в микроволновке погрел, не ссы. Вся электроника спеклась. А вставить контроллер в каждый лист бумаги – этого пока не могут.

Мы направились к выходу из парка.

– Я не понял, почему с тобой обошлись так жестко. Я насчет приговора. Адвокат намекал, что кто-то из чиновников в министерстве или ДЗМ делает карьеру на этом случае. – Я не боялся, что нас услышат. Тема вполне резонная. О чем нам еще говорить?

– Есть такой человек – вице-мэр Москвы по социальным вопросам и здравоохранению, ты его знаешь, так вот он решил, что мой случай обязательно нужно раздуть в воспитательных целях. И ему необходим был обязательно москвич из коренных. Косяки приезжих наемных врачей не так показательны. «Бей своих, чтобы чужие боялись!». Это же понятно.

– Ты уверен?

– Мне следователь показала его письмо в прокуратуру: «Сделать показательный процесс в воспитательных целях». Когда видел в суде столько журналистов? Я что – террорист, серийный убийца?

– А она не нарушила инструкцию? – удивился я.

– Понимаешь, Леша, люди все-таки это люди. И человеческая совесть и доброта в них еще сохранились. Ты же видишь сам, многие люди в каком-то обалдении находятся. Не понимают, что вообще происходит. И к чему нас ведут. Потому вокруг и напичкано столько электроники и средств контроля, что надежды на «бдительность граждан» у властей нет. Они только создают новый тип граждан: «Человек – дятел». Думаешь, они от доброты сердечной назначили премию за каждый донос? Это шанс, что среди нормальных людей непременно окажутся подонки, доносящий на своих же друзей. И водителя с его курением приплели нарочно. Какая-то сука из мамаш на детской площадке его сняла с сигаретой и стукнула из вредности а может быть ей на сигареты не хватало как раз.

Я понимал. Я просто молчал. Юрка достаточно наговорил, чтобы мне написать куда следует. Но мне он доверял. Только мне. Иначе как жить, если совсем никому не верить?

– Юр, телефон верни, а то увезешь с собой.

Юра закрыл фонтан своего красноречия. Мы подошли к стоянке машин каршеринга. Он извлек из банки мой смартфон.

– Возьмем? – спросил я. – Ты же с правами?

– У меня на карте ноль, помноженный на ноль.

– Я тебе перекину.

– Не надо! – Юра передернул плечами, – ты знаешь, что за оплаченную тобой дверь со Светки содрали налог с дохода?

– Не понял.

– Чего непонятного? Заказ был на нее, а оплатил ты. Значит, деньги ей дал? А это доход. Вот с нее тринадцать процентов и сняли, как НДФЛ. Все по закону. Она же не благотворительный фонд. С твоих денег сняли эндээс, с нее эндэфэл... доильный автомат работает. Этим тварям на яхты денег не хватает... – добавил он.

– Тогда идем до метро. Таксиботов нет рядом, – предложил я. – Я уже вымок от этой весенней срани. А завтра дежурить сутки. Ты то выпишься, – подколот я его.

Юра криво усмехнулся. Последнее время он не улыбался светло как раньше. «Батарейка села».

ГЛАВА ПЯТАЯ

*в которой врач Исаев подвергается нападению бандитов,
но сохраняет государственную тайну, пожертвовав
ребрами, получает сотрясение головного мозга,
при этом узнает, что его друг Свиридов – погиб.*

На последнем вызове в шесть утра, я нарвался на засаду. Меня скрутили, и приковали к батарее отопления. Один из вызывавших, дядечка лет пятидесяти, уговаривал:

– Милок, ты лучше сам скажи личный код. Ты же понимаешь, что мы все равно взломаем твой ящик...

Я воспользовался вшитой в воротник комбеза пластиковой капсулой с «дегезом». Это мощный наркотик, от которого я погрузился в наркоз через пару минут.

Бандиты несколько минут били меня ногами, но наркоз – это наркоз, хоть на части режь. Что они и сделали, правда, зачем-то изрезали мой скоропомощной комбинезон.

«Алиса! Я им ничего не сказал...» – не помню, откуда эта фраза всплыла в мозг, но это первое, о чем я подумал, когда очнулся на полу в машине СОБРа.

Был допрос, была масса объяснительных потом в каждой инстанции. Но никто ничего предъявить мне не мог. А суeta началась из-за того, что на 47 секунде от включения ДК, бандитам удалось взломать первый уровень доступа в сервер ДЗМ, а на шестьдесят третьей в сервер «Госуслуги» и они скачали все таки массив базы данных о трех миллионах жителей Москвы. Все с деталями и биометрией!

Только я тут не при чем. «Дегез» это известный наркотик фентанил, в большой концентрации, то, что мы его доставали, конечно, нарушение закона. И за это мне формально могли впасть как за хранение наркотика. Но начальство знало об этой хитрости скоропомощных медиков и закрывало глаза. Лучше пусть обвинят в хранении дури, чем в пособничестве государственным преступникам.

Посадить меня, как Юрку, не посадят, конечно, максимум пошлют на центр – вызовы принимать. А это значит, получать четвертую часть моей нынешней зарплаты... Ничего, я потерплю.

Меня избили довольно крепко. Сломали ребра, сотрясли мозг... хорошо хоть не проломили череп. К счастью, водитель сразу среагировал на мое радиомолчание, и уже через пятнадцать минут пустую квартиру штурмовал СОБР. Однако, чемодан мой выпотрошенный был мертв, а скачанная база вместе охотниками за информацией исчезла. Сам чемодан преступникам не нужен теперь. Но трех-пяти минут хватило для скачивания.

С момента регистрации нападения на бригаду, счет пошел на минуты, кто успеет раньше? Информационные террористы – скачать базу, взломав доступ в комплекс, или админ ДЗМ, стерев номер ДК из базы? Слишком много этапов. Сам взлом система не заметила. Команды пошли, когда водитель поднял тревогу.

Нападавшие успели. На шестьдесят третьей секунде от момента включения ДК. Пин-код бандиты сумели расколоть, а дистанционно отключить компьютер комплекса от сети и базы админ не успевал физически.

И теперь всем будет огромная нахлобучка. Особенно админам, которые не сумели обеспечить защиту данных от утечки.

Как оправдывался разработчик защиты? Мне это не известно. Хватило недели ежедневных допросов в тюремном госпитале. На записи ДК было слышно, что я пин-код не раскрыл. Нападавшим повезло. Это случается.

Три миллиона жителей столицы и гостей попали в категорию – «Возможны дубликаты»! А это означает, что нужно постоянно отслеживать не возник ли кто-то из этих трех миллионов одновременно в двух или трех местах страны. И кто из них – настоящий?

Известно, что без ДК изготовить идеальный дубликат паспорта гражданина РФ невозможно.

Похитители не имели времени на допрос. Я уснул. И на мокрое они идти не решились. За взлом федеральной базы, даже за изготовление фальшивых документов они получают десятку, и то если их найдут, а за убийство врача скорой им светит пожизненное, это если СОБР не застрелит в момент ареста.

Так наши силовики обходят мораторий на смертную казнь.

По слухам, операм дано негласное распоряжение, при малейшем оказании сопротивления или даже неподчинения полиции сразу бить на поражение по завету моего тезки Горького: «Если враг не сдается – его уничтожают». Поэтому, мои захватчики предпочли смыться с захваченным ДК по тихому... через чердак, предварительно кувалдой разбив маршрутизатор видеоконтроля, оставив без камер весь дом.

Я выпишусь через три недели. Мне вернули отобранный на вызове мобильник. Похитители его не забрали, бросили в квартире в ведро с водой и рацию, которую сняли с моей головы. Смартфон мой следователи подшили к делу, пока не определили, что он именно мой. К счастью, российская техника водостойчива в отличие от импортной, на которую чихнуть страшно.

От выездной работы меня не отстранили. Даже выговор не объявили. Как будто ничего не случилось. Три недели на больничном – в зарплату начислена только основная ставка, это курам на смех. Жить можно нормально только за счет надбавок за выезд, риск, ночные дежурства и работу в одиночку. Деньги по основной ставке – это меньше одной четвертой от месячного заработка. А что поделывать? Таков закон.

Сразу после звонка маме я позвонил Свиридову, сказать, что он свинушка, не проведаль меня в больнице за это время. И спросить хотел, конечно, заодно, как он устроился на работу, какие у него новости? Все-таки после суда жизнь не кончилась.

Как оказалось, я ошибался.

По Юркиному городскому номеру ответил незнакомый мужской голос:

– Он здесь больше не живет.

Я оторопел, но, пока неизвестный не бросил трубку, успел прокричать:

– Извините, а где он?

– Не знаю, – ответил равнодушный голос, – мы получили квартиру за выселением. Повоните в справочную.

Как за выселением? Они уехали совсем? Куда? Юрка же пошутил, сказав, что устроится лесником! Или не шутил? Ничего не понимаю.

Связь прервалась. Справочная ЦАБ – это дорогое удовольствие. Поэтому, вернувшись на подстанцию я, первым делом, полез в базу Москвы. Ввел домашний адрес друга с фамилией и инициалами.

Ответ: «Не значится». Это сейчас. Верно. Запросил сводку по всем Свиридовым его округа за последние три недели.

Через 3 минуты на экране моего нового ДК в списке жителей я увидел надпись: «Свиридов Ю. А. Свиридова С. В. с 12.02. 2029 года – шифр 000 000.

Они оба умерли. Так быстро?

Впрочем, Юрка же предупреждал, что в любом случае они исчезнут.

Это произошло на следующий день после нападения на меня.

По сводке раздела происшествий за эти сутки, приведена массовая автокатастрофа – междугородный автобус столкнулся с Камазом и рухнул с моста в реку Мста, в которой среди погибших числились и Юрка с женой...

Я отказывался поверить. Правда ли это – кто знает?... Значит, они куда-то потом направились. На автобусе в Новгород? В Питер? Куда – мне теперь не узнать.

С другой стороны, для того, чтобы сделать новые карточки с другими именами – чьи-то дубликаты, нужно официально умереть. Лучшего способа не придумать, чем вписаться в массовую катастрофу. Но как знать, когда и где она случится?

Если мой бывший ДК им помог обрести новую судьбу, я не пожалею о поломанных ребрах, сотрясении... Дай Бог им счастья в новой жизни. Надеюсь, что она у них есть. Но этого мне тоже узнать не суждено.

Если даже встречу случайно, не узнаю.

ЧАСТЬ 2. ДИАНА-ОХОТНИЦА

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*В которой врачи болтают перед началом работы,
а коллектив подстанции знакомится с новыми стажерами*

Петруха отключил свой ДК от электросети, вынул батарею и проверил уровень зарядки. Полна. Он оглянулся на меня.

– Лех, ты лекарствами уже затарился?

– Первым делом, – отозвался я, дожидаясь рапорта от диспетчера управления, что мой чемодан активирован для работы.

Петруха загнал батарею в ДК, как обойму в пистолет, и включил, активируя, как это сделал я на пару минут раньше. Он подошел поближе и, наклонившись к моему уху, проговорил:

– Слух прошел, будто есть приказ о переподчинении скорой МЧС.

Я пожал плечами.

– Давно болтают.

– Нееет, – Петя набирает код доступа, – это уже решенное дело. Говорят, приказ подписан. Типа, мы, как работали, так и работаем, только потихоньку стариков – на фиг, а нам аттестацию воен-врачей – офицеров и погоны со звездами... и периодически на строевую и боевую... Эх – постреляем!

– Это хорошо или плохо? – спросил я. Не люблю давать сам оценок, пусть за меня это делают другие.

ДК мигнул и выдал на экран «Доступ разрешен. Добрый день, Алексей Максимович!»

– Ну, я не знаю... говорят, оклад прибавят.

– Говорят, что кур доят, а коровы яйца несут, – сказал я. – Добавят оклад, поднимут штрафы... И с чего ты взял, что в МЧС – стреляют? Тебе не хватает водителя – полицейского?

Петя тоже получил добро от «системы» и закрыл свой ящик.

– Это верно. Все равно, тревожно как-то.

– А когда не было тревожно? – спросил я.

Петя это – Петя. Работает меньше года – негр. Вот суетится чего-то, болтает. Чего болтает? Мне тоже сказали по большому секрету, что в наших ДК активированы программы диктофонов, и все разговоры на вызове пишутся, а когда ДК стоит на подзарядке, записи автоматом улетают на прослушку в управление. А только ли на вызове? Что мешает им писать постоянно? Я уверен, что ДК пишет непрерывно. А вот считывают записанное, когда ищут компромат на бригаду.

Я поглядел на часы: 8:55.

– Петя, заканчивай, пора на пятиминутку. Горыныч сожрет, если не успеем, сразу минус пять баллов штрафа огребем. Побежали!

И мы побежали из склада ДК через коридор аптеки, прихватив из ячеек второй чемодан МК с медикаментами и перевязкой. Надо все это отнести в машину, потом вернуться на второй этаж в конференц-зал и пока не дали вызов, сидеть и слушать отчет ночной смены или новости от заведующего.

Уложились мы минутка в минутку, дверь конференц-зала уже закрывалась. Войти потом можно только с картой-пропуском и введя личный код, а это автоматом штраф за нарушение дисциплины. Пустячок, но неприятно. Бонусов всегда бывает меньше. Я не помню случая, чтобы бонусами удавалось компенсировать штрафы за месяц.

Мы успели. Зал, как всегда – на половину полон. Хотя, по мнению заведующего Роберта Германовича – на половину пуст. Натура такая. За это и зовем Горынычем.

Он вообще неплохой мужик, когда работает на линии, свой в доску. Но долбят его сверху – вот и он нас долбит. Долбит и долбит, что б не вякали не подумавши, чтоб от инструкций ни на пол-шажка... чтоб... и вообще.

Ночники отчитываются: 353 вызова, из них 97 к детям, 166 к пенсионерам и вообще не наши, а поликлинические, 12 авто, 7 падений с этажей, 31 констатация смерти, госпитализировно... перевезено по каналу акушерской помощи... родов на дому... и протчая... протчая... в конце самое вкусное: нападений наркоманов за ночь – не было! Чудесная ночь! Но... попытка угона машины. Бред. А где водитель был? Отошел в садик, ножку на дерево поднять? Ну, за это с него и спрос. Вообще забавно, выходишь с вызова, а машины нет. Я вспомнил, что еще не получил в диспетчерской рацию и коробку с наркотиками. Все-таки вляпался на -5 баллов. Если сейчас дадут вызов... десятку точно получу. Диспетчера сегодня – вредные сучки. Им за каждый замеченный нами просчет плюс к премии. Вот они и стараются. Секут всё. Но, к счастью, такие не все. Карточку удержишь с вызова – шлеп минус, коды диагноза напишешь нечетко – еще минус, дольше минуты идешь за вызовом – еще получи. А уж если контроль за задницу прихватит в городе в магазине – берегись! Тут за первый раз 25% от зарплаты, второй раз еще 25%, а на третий раз – куковать три месяца в оперативном отделе – вызовы от населения принимать на санитарской ставке. Увольнять не будут, зачем? Работать задаром – вот это наказание. И уволиться нельзя, пока наказан. На больничный сядешь – экспертизами замордуют, визитами врача линейного контроля – действительно ли болен?

Зав закончил разбор полетов и приступил к раздаче слонов.

– Через месяц переезд в новое здание. Предупреждаю: все на высшем уровне: и буфет, и комната отдыха, и тренажерный зал... кстати – о зале. Управление спустило приказ: о доплате тем, кто сдаст зачет по рукопашному бою... за разряды по 5% к минимальному окладу, за КМС 15% за мастера спорта 25%. Надоело им, что вы дарите наркоту, только ножик покажут. Никто оказывать сопротивление официально не приказывает, но стимулируют такую возможность. За содействие органам внутренних дел будут премировать. – Зав поставил на стол чемодан ДК но новый, измененной формы. – Это новинка, пока демонстративный образец, официально их получим через месяц, ДК-2000. Обновленный диагностический комплекс. Есть важное отличие. Кнопка «форматирование винчестера» выведена под ручку. Но кроме этого ДК отзывается не только на пароль пин-код, а еще на перстень. В нем микропередатчик с кодом доступа. Носить нужно на той же руке, которой несете ДК, если на вас нападут, достаточно перстнем приложиться об любую твердую поверхность. – Зав пошутил, – Лицо преступника таковой не считается. Сожмите кулак и двиньте в стену. Перстень расколется, сигнал от него перестает приходить в ДК, и тот начнет форматирование жесткого диска, даже со снятой батареей. – Горыныч услышал удивленный шум в зале, – Есть независимый внутренний источник энергии вмонтирован прямо в жесткий диск. – Мы внимательно слушали и смотрели. – К чему я все это объясняю, – зав сделал паузу, поглядел в наши глаза, надеясь уловить просветление и понимание, и отчаявшись, продолжил: – Вот к чему, о том, что эти ДК поступают на подстанции, уже известно мошенникам, так что охота за старыми моделями – усилится. Будьте бдительны и осторожны. Нашим спецслужбам удалось перекрыть все доступы к копированию баз данных прямо с сервера. По закону, за утечку или умышленное хищение ответственным дается высшая мера, до пожизненного, как за измену родине или шпионаж. Так усилилась охота за ДК, где хранится часть социальных баз данных.

Зав показал новый осовремененный ДК и обычные перстеньки, один женского фасона другой мужского. На каждом круглая плюшка вроде как с камушком. Ничего особенного. Хех... теперь не только морды бить будут, но и пальцы рубить...

– И в завершение. – Роберт Горыныч сделал знак рукой и с задних рядов к нему вышли два парня и девушка, – в наших рядах пополнение. Врач Артемова Валентина Ивановна, Врач Георгадзе Давид Константинович и фельдшер Самсонов Леонид Яковлевич – прошу любить по возможности, и жаловать... а так же поддерживать в освоении нашей работы. – Зав повернулся к троице, – пожалуйста, вкратце расскажите о себе, – он кивнул девушке.

Две смены в основном изучали ее, естественно, ни высокий грузин, и невысокий полный фельдшер мужской состав подстанции так не заинтересовали, как новенькая докторша.

Я врач холостой, потому от основной массы не отличался и пользовался возможностью беззастенчиво рассматривать новенькую. Симпатичная. Не супер-пупер, но весьма приятной наружности, светлая шатенка, овальное лицо, почти без макияжа... фигура хорошая... грудь, ножки... талия... все очень даже. Серо-голубая скоропомощная форма ее не красила, но и в этом мешковатом наряде, она производила впечатление. Все-таки женщины на скорой – редкость. Служебный рабочий костюм-комбинезон из-за обилия карманов, которых не было только на спине, убивал всякую сексапильность. Артемова порозовела от легкого смущения, откашлялась и немного севшим голосом сказала:

– В прошлом году окончила медицинский университет, год интернатуры по скорой и неотложной помощи в НИИ им. Склифосовского, – она вдруг кокетливо покрутила плечами и добавила, – не замужем, детей нет.

Реплика ее произвела незамедлительное действие в рядах, мычание, покашливание, смешки и реплики «за нами не заржавеет», «мы мужчины хоть куда – в самом расцвете сил!». Зав постучал костяшками по столу.

– Успокоились!

Вторым доложилась Георгадзе. Давид пришел на скорую после армии, его история мало отличалась от истории многих. Закончил мединститут, сразу загребли в армию, служил в Красногорском госпитале – травматолог, после демобилизации год переподготовки по неотложной травматологии в том же Склифе и теперь назначили к нам на подстанцию. Впрочем, это ожидаемо, одна ставка на бригаде травмы пустует уже третий месяц. Теперь – комплект.

Фельдшер Самсонов повторил его маршрут, с одним маленьким исключением, служил он в госпитале МВД, откуда и перевелся на городскую скорую. Поступок странный, со спокойной работы в отделении ведомственной больницы, с надбавками, пайком и медсестрами-моделями, которые даже в реанимации не бегают, перепрыгнуть в наш бешеный ритм. Его так и спросили, чем ему больничные харчи не понравились и медсестры?

– Срок службы подошел к концу, и мне предложили или идти в приемное работать или перевестись на скорую. Я решил, что хрен редьки не слаще... а тут как-то поинтереснее. – Ответил фельдшер Самсонов.

Староват он для фельдшера, уже тридцатник очевиден.

Отчего не выучился на врача – спрашивать не стали. Захочет – сам расскажет.

Ожил селектор. Задорные девчачьи голоса объявили вызовы трем бригадам, моя в этот список не попала, но я пошел вместе со всеми.

Зав мне глазами показал «Сядь на место». Я ему жестами объяснил: «Надо закончить прием бригады», он махнул рукой – «Иди уж», и я вышел вместе со всеми.

В холле перед диспетчерской водители ночной смены заполняли стандартные бланки «объяснительных задержки бригады в пути по причине затрудненного движения на маршруте». Старички рассказывали, что когда-то всю вину за доезд вешали на медиков, но нынешний главный врач, только придя на скорую, первым же приказом все проблемы с доездом от выхода с подстанции до входа в квартиру перевесил на водителей.

Для меня кажется диким – пассажиру, то есть мне, в машине отвечать за то, что водитель медленно едет, или выбрал маршрут не тот. Мое дело – лечить.

Противные девчонки все-таки стукнули, что я не успел с принятием наркоты. Я прикинул, сколько у меня уже штрафных баллов? Работать еще полмесяца, а у меня... раз, два, три... двадцать три балла штрафов. Это меньше 1% от зарплаты. Ничего, терпимо. Кто без греха, пусть первым бросит в меня камень.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

в которой врачи обсуждают адюльтер, а врач Исаев узнает, что стажер Артемова вписана в его бригаду

Я отнес оборудование в машину. Динамик в гараже пропел:

– Бригады: вторая, седьмая, одиннадцатая, тринадцатая, семнадцатая и двадцатая – вызовы!

Свершилось. Я поглядел на часы – двенадцать минут десятого. Бег на короткие дистанции: до диспетчерской, карточку в руки, от диспетчерской по лестнице снова в гараж, и в машину, там карточку пробить в часах в кабине. Дальше время падает на водителя. И вот он уже бежит, на ходу надевая рацию на голову, и придерживая свободной рукой автоматик Кедр. Жизнь диктует свои условия. Медиков еще не вооружают. Но как сказал зав, за умения рукопашного боя готовы доплачивать...

Я улыбнулся мыслям. Водитель Сережа, выкатывая машину за ворота, перехватил мою улыбку и спросил:

– Что?

Я уклончиво хмыкнул.

– Хороши мы... скорая помощь специального назначения. – Я приподнял Кедр над сиденьем. – Любые операции – быстро и безболезненно!

– Не балуй! – Водитель резко хлопнул мне по рукам, – не игрушка! Все б вам шутки шутить... а мы тут как на иголках.

– Вызов – всегда неизвестность. – Философски сказал я, имея ввиду, конечно, то, что никто не знает заранее, что там за больной ждет.

– Вот именно, – подтвердил Сережа, – то ли у тебя ДК отбирают, то ли коробку с наркотой... Ты ж понимаешь, не сами проблемы утомляют больше всего, а постоянное их ожидание.

– Сережа, ты – настоящий друг.

– Скажи это еще раз, – улыбнулся водитель.

Четыре вызова без заезда на подстанцию. Не много, не мало. Нормально. Машину на въезде в ворота приняла система. «Одиннадцатая на подстанции». Над крайне правым гаражом зажегся зеленый свет, створки ворот разошлись, впуская нас в теплое нутро. Я показал физию диспетчерам, на табло посчитал очередь среди бригад, сунул в окошко карточки и отправился на кухню. Один автомат выплюнул мне в кружку порцию раскаленного кофе, второй уронил в ладонь шоколадный батончик с орехами. В столовой за сдвинутыми столами трепались о жизни медики. Разговор тек неспешный, вопрос – ответ, рассуждения, мечты и прожекты, слухи... новеньких в компании не было. Я совсем чуть-чуть расстроился, хотелось поближе познакомиться с кокетливой доктором Артемовой. Может, еще и познакомлюсь, ведь по приказу они после перевода месяц должны работать с кем-нибудь в бригаде... Я присел с краю сдвинутых столов, не вступая в разговор, грыз подсохший батон, прихлебывал кофе...

– Леха! – ко мне повернулся невропатолог Мокроусов. – как тебе новенькая?

Я поставил кружку и пальцами изобразил «весьма, весьма».

– Артемида! – поднял палец невропатолог.

Наша содержательная беседа была прервана ворвавшимся Петрухой.

– Ребята, вызов был!

– Пойди, вымойся и съешь лимон! – сказал доктор невропатолог. Петруха на старый анекдот отреагировал адекватно, он коротко ржанул и, отхлебнув холодного чая, забытого кем-то из уехавших на вызов, уселся у стола и сообщил.

– Начнем с того, что повод – женщина 33 – плохо с сердцем!

Начало действительно, многообещающее. Мы прислушались, а Петруха продолжил,

– Парочка, мужчина и женщина... – он изобразил пальцами совокупляющихся ежей, – тили-тили, трали-вали...

– Говори нормально, – проворчал невропатолог, – коитус у них, а по-бытовому плотские утехы, так?

– Ну да... не перебивай. А то я засмущаюсь.

– И он ее затрахал до сердечного приступа? – невролог свернул-таки вульгаризм, – или только до обморока довел?

– С ума сошел? Нет! – Петруха возмутился, – Как раз наоборот.

– Молчу, молчу... рассказывай дальше, что там было наоборот? Она его до инфаркта замучила?

Но Петруха назло пил чай, как последний раз в жизни, молчал, нагнетал обстановку.

– Я этого никогда не мог понять, – продолжил он, наконец, – ну они «поиграли», мужик, понятное дело – устал, а у нее, похоже, сил еще осталось на троих, и чем вы думаете она занялась?

– Я бы предположил, но это неприлично, – вставил я. Действительно, чем еще может заняться женщина, если в интиме что-то произошло «наоборот», как сказал Петруха?

– Никогда не догадается.

– Посуду мыть пошла, – предположил опытный муж и отец троих детей невропатолог. – Или цветы поливать.

– Тьфу на тебя! Не посуду. – рассердился от недогадливости коллег Петя, – убираться начала в квартире, точнее – пылесосить! Нет, как он рассказывал, они, конечно, сильно оторвались, но всему приходит конец, его хозяйство сникло, силденафил уже не помогал, и она от него вроде бы отстала, а заняться чем-то нужно было, вот, и схватила пылесос.

– Оригинально! – усмехнулся невролог, – это ж сколько он виагры выкушал?

Невролог обозначил силденафил коммерческим названием.

– Ага, я тоже так решил, так вот оба они в чем мама родила, он, благородно раскинувшись как морская звезда, лежит – вспоминает, как им было хорошо, а она, значит, нерастратченную энергию расходует с пылесосом... и... вот объясните мне логику... она к его аппарату подносит пылесос и засасывает в трубу...

Мы дружно вытаращились на Петю...

– Ага, почти оральный секс, с одним исключением – труба металлическая, а пылесос Ховер – два с половиной киловатта, он ворс из ковра выдирает!

Всё мужское население кухни поёжилось, представив, как оно там происходило в трубе.

– Чет, я не понял, – сказал, наконец, невролог, – а причем тут женщина с плохим сердцем? Должен быть мужик с лохмотьями вместо пениса.

– Чего ж непонятного? Он заорал как резаный, она трубу на себя тянет, пылесос – сосет, мужик еще громче... она догадалась и пылесос выключила... а он как достал из трубы... она в обморок, хлоп! Точно – фиолетовая лампочка – только что не светит! Мужик оказался с юмором, выдержанный, замотал отпылесосенный орган мокрым полотенцем и вызвал скорую. – Закончил пикантную историю Петя.

– Ну, а дальше что? – спросил я.

– Да ничего, я приехал и ее нашатырем в чувство привел. Она рыдала... говорит, хотела только пошутить.

– А мужик, чего?

- Да все нормально, отвез его в больницу с парафимозом.
- Как же ты его оформил? Вызов то на женщину.
- Как самотек.

Мы похмыкали. Самотек – это маленькая лазейка. Обращение к бригаде, находящейся на вызове. Самотек всегда перепроверяется линейным контролем. Чтобы исключить лечение родственников врача в обход ОМС или за деньги.

- Значит, он в ментовку не обратился?

Петруха, отставил пустую кружку. Задумался.

– Благородно поступил. Сразу не позвонил, в приемном сказал, что сам виноват, типа с дури в пылесос сунул. Она, правда, кричала, что это ее вина. В общем, мое дело сторона. В этих пылесосах насадка есть – измельчитель твердого мусора – турбинка...

Петя задумчиво поглядел на нас, мы передернулись от самой мысли.

- Не, до турбинки не достал!

- Ну, слава Богу!

Мы все вспомнили, что ДК все пишет. Если по заключению врачей ОМС решит обвинить в травме женщину, фонограмму из ДК подошлют к делу.

Разговор свернулся, вызвали невропатологов, потом еще пара бригад укатила, потом я... работа текла. Обед прошел. Вызов за вызовом. В семь я снова получил небольшую передышку, полчасика, с открытием вечерних бригад.

Я сидел на кухне в обнимку с кружкой кофе, когда вошла доктор Артемова, и мне вспомнилось определение Мокроусова «Артемиды!»

- Алесей Иванович? – Валентина села против меня за стол.

Я шутливо отдал честь, улыбнулся.

- К вашим услугам!

- Меня вписали на вашу бригаду. Вы не против?

Сдерживая эмоции, а что греха таить, новость более чем приятно неожиданная, лучшего способа для знакомства не придумаешь, я притворно нахмурился.

– Я Алексей Максимыч, – поправил, – как Горький. Знаете такого Буревестника революции? – я процитировал: «Толстый пингвин прячет тело жирное в утесах...»

– Нет, – ответила она, – Фу, какая гадость. Не люблю жирных. А почему Горький? Я люблю сладкое. Так вы не против?

- Боюсь, ДК перегорит, узнав, кто с нами работает.

Она приняла шутку за чистую монету, и искренне удивилась.

- Отчего это?

– Ревнивый очень, – поджал я губы, чтоб не улыбнуться. Артемиды расхохоталась. Я, не скрывая, рассматривал ее. Ей не больше двадцати пяти, не зажатая, озорные чертики в глазах прыгают. Мелированные русые волосы до плеч, очень хорошая косметика и чувство вкуса. От нее не пахло косметическими ароматами, на губах помады нет, ага... татуаж... для работающих сутками это экономно.

- Вы не женаты, Алексей? – нахально спросила она. В глазах охотничий блеск.

- Женат, – усмехнулся я, – как говорят мои родители, на работе женат.

Она заинтересованно поглядела на меня, вытянула губы, призывные, чувственные... теперь она меня будто оценивала.

- И подружки нет?

Я чуть не покраснел и решил переплюнуть ее в нахальстве.

- Если я правильно воспринимаю ваши мысли, то теперь, кажется, появилась?

Она отвела глаза.

- Все возможно. А вы давно страдаете телепатией?

– Это ж запрещенная болезнь, – серьезно сказал я, – сколько себя помню телепаю, но успешно скрываю это от общественности.

– Вы слишком откровенны с незнакомками, – парировала она, подаваясь вперед, через стол. Так что расстегнутая на груди молния комбеза открыла все сокровенное за пазухой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.